

В императорском дворце Лу Гуйюань всё ещё убивался из-за своей первой любви, которая, как он полагал, только началась, но на деле закончилась, даже не успев толком стартовать.

Система долго насмехалась над ним, но, видя, что тот никак не может остановиться, и не в силах больше смотреть на его жалкий вид с бутылкой в руке, не выдержала:

— Подумаешь, мужик! Ты уже достаточно долго страдал, пора бы и честь знать.

Лу Гуйюань сделал большой глоток вина и пьяно пробормотал:

— Что ты понимаешь в чувствах, бездушная ты искусственная болванка?

Система возмутилась:

— Запрещено оскорблять Систему! Разве не ты сам виноват? Ты полюбил его, он тебя нет, да еще и принял за своего возлюбленного. Что тут непонятного?

Лу Гуйюань икнул и с презрением ответил:

— А знаешь, что в жизни самое трагичное?

Система уверенно заявила:

— Смерть и разлука.

— Неправильно, — покачал головой Лу Гуйюань. — При разлуке у тебя хотя бы остаются воспоминания. А вот когда ты думаешь, что у вас с красавцем любовь с первого взгляда, признаешься ему, а потом выясняется, что у красавца уже есть пара, и он просто принял тебя за своего любимого — вот это настоящая трагедия!

При мысли об этом на него нахлынула новая волна горя.

— Так кто я тогда? Замена? — с этими словами он в ярости швырнул винный кувшин на пол.

Евнухи и стражники, дежурившие снаружи, испуганно втянули головы в плечи — никто не осмеливался даже взглянуть внутрь. Этот император Юй Сюань был тираном, склонным к жестокости: стоило чему-то пойти не по его нраву, он тут же крушил вещи и избивал прислугу. За год правления состав стражи и слуг во дворце Цзывэй менялся уже несколько раз. Вся прислуга считала это место логовом дракона и гнездом тигра, и если кому-то выпадало дежурить здесь, он в слезах писал завещание и заранее прощался с родными.

— Ваше Величество, время позднее, пора на утреннюю аудиенцию, — робко прошептал евнух за дверь.

От страха у него подкашивались ноги, он едва стоял, словно ожидая, что любая реакция

императора приведет к неминуемой гибели. Если бы император заранее не объявил, что пойдет на собрание, никто бы не рискнул подходить с напоминанием.

— Не пойду! — отрезал Лу Гуйюань.

Система тут же вмешалась:

— Нельзя. Утренняя аудиенция — это важная сюжетная точка, ты обязан присутствовать.

Лу Гуйюань раздраженно отозвался:

— Разве не говорили, что мой сюжет еще не начался? Откуда взялись сюжетные точки?

— Это ключевой момент для закрепления образа тирана Юй Сюаня, упомянутый в предыстории, — пояснила Система. — Чтобы не разрушить характер персонажа, ты не должен его пропускать.

Лу Гуйюань был в ярости. Сейчас, когда он страдал от неразделенной любви, у него не было ни малейшего желания следовать какому-то сценарию.

— Подумай о своем родном брате, Главном боге, — напомнила Система.

Лу Гуйюань в своем воображении уже представил, как его маленькая копия с огромным мечом в руках с остервенением набрасывается на фигурку Главного бога. Чувство вины заставило его отбросить мысли о любви и послушно позволить слугам одеть его в парадные одежды.

Система торжествовала: всё-таки только упоминание Главного бога могло его утихомирить.

— Есть доклады — излагайте, нет — расходитесь! — пронзительный голос евнуха разнесся по залу.

Чиновники стояли, опустив головы, боясь дышать. Стоявшие в первых рядах министры почувствовали сильный запах вина, исходивший от императора, но никто не осмелился произнести хоть слово. Император не только предавался разврату и забросил государственные дела, но и стал жестоким деспотом. Любого, кто смел ему возразить, ждала отставка, казнь или конфискация имущества. Один цензор, недовольный таким положением дел, в знак протеста бросился на колонну и погиб, так император тут же приказал уничтожить весь его род до третьего колена, а тело несчастного скормить собакам.

С тех пор никто не смел перечить императору, и его поведение становилось всё более разнузданным. Даже Великий наставник Ян и канцлер Сюй, которым покойный император поручил опеку над сыном, молчали. Юй Сюань понимал, что эти старики нужны для стабильности государства, поэтому не убивал их, но зато постоянно угрожал их семьям.

Чиновники знали, что в руках императора находится таинственная организация — Тени Бабочки. Она тайно готовила убийц, следила за двором и устраняла неудобных. Для них она стала дамокловым мечом, висящим над головами. Чиновники лишь вздыхали, надеясь, что когда-нибудь появится императрица, которая вразумит правителя, или родится наследник. Мысли о мятеже тоже посещали многих, некоторые даже тайно переходили на сторону Ван Чэня, но Тени Бабочки быстро вычисляли предателей, и те не доживали до следующего дня.

Лу Гуйюань ждал, но никто не решался заговорить. Наконец, не выдержав, министр обрядов дрожащим голосом напомнил, что через месяц исполняется год со дня восшествия на престол, траур закончится, и пора бы заняться выбором наложниц и назначением императрицы.

Лу Гуйюань знал, что по сюжету Юй Сюань ненавидел женщин из-за травм детства, нанесенных наложницами императора Вэня, поэтому он без колебаний отказался. Но чиновники настаивали, надеясь, что брак остепенит его. В итоге они зашли слишком далеко, упомянув предков и покойного императора. Юй Сюань, решив, что эти старики просто ждут его смерти, в гневе устроил кровавую резню, после чего во дворце воцарилась гробовая тишина.

Лу Гуйюань решил не повторять ошибок оригинала. Он обратился к Системе:

— Скажу прямо: я не могу убивать невинных. Даже твой Главный бог не заставит меня. Я могу просто вести себя настолько развратно и нелепо, чтобы чиновники разочаровались во мне и сами захотели, чтобы я перестал быть императором. Это же не ООС, верно?

Система, памятуя о том, что психика этого человека нестабильна, решила пойти на уступки:

— Хорошо, но образ тирана должен быть сохранен. Никаких настоящих выборов невест. Влюбленный злодей должен хранить девственность для главного героя.

Лу Гуйюань хмыкнул, но согласился. Когда чиновники ждали его ответа, он с усмешкой произнес:

— Выбор невест? Отлично. Но выбирать одних женщин — скучно.

Чиновники замерли в недоумении. Император продолжил:

— Разве среди мужчин нет достойных? Пусть каждая семья пришлет на отбор своих красивых и знатных юношей.

Зал ахнул. Канцлер Сюй в ярости забыл о страхе:

— Безумие! Мужчина не может взять в жены мужчину! Как же продолжение рода?

Император небрежно ответил:

— Мои слова — закон. А насчет наследников — пустяки. Найду даосов, которые сделают

снадобье, позволяющее мужчинам рожать. Сколько захочу, столько и наплюжу.

Чиновники были в шоке. Мужской гарем, алхимия — образ безумного правителя был отыгран на сто процентов. Лу Гуйюань внутренне торжествовал. Чтобы закрепить эффект, он добавил:

— Господа министры, не забудьте прислать своих сыновей, — и многозначительно посмотрел на канцлера Сюя и Великого наставника Яна.

Те были в таком ужасе, что канцлер Сюй едва не лишился чувств, а Великий наставник Ян от потрясения вырвал клочок собственной бороды и упал в обморок. Лу Гуйюань остался доволен: теперь-то они точно разочаруются в своем правителе.

Однако его хорошее настроение длилось недолго. Канцлер Сюй, вернувшись домой, приказал немедленно отправить сына Сюй Чжиюя прочь из столицы. Сюй Чжиюй был в смятении: в прошлой жизни, после того как он сдал экзамены и стал лучшим, император принудительно запер его во дворце. Позже, объединившись с Ван Чэнем, он сверг тирана, но отец, будучи верным подданным, не смог простить ему предательства и покончил с собой. Переродившись, Сюй Чжиюй решил, что в этот раз всё сделает иначе, но безумная идея императора с мужским гаремом спутала все карты.

— Отец, я не могу уехать! — воскликнул он, понимая, что должен остаться, чтобы помочь Ван Чэню и открыть отцу глаза на истинное лицо тирана.

Система в панике закричала:

— Хозяин, беда! Из-за твоего указа Сюй Чжиюй хочет сбежать! Если он уедет, сюжет рухнет!

Лу Гуйюань спокойно ответил:

— Ничего, перехватим его.

— Ты должен был просто запереть его в гареме! — возмутилась Система.

— Какая разница? Главное — запереть, — возразил Лу Гуйюань.

В итоге они сошлись на том, что Сюй Чжиюй должен сдать экзамены, а Лу Гуйюань заберет его после — это будет еще большим ударом по репутации императора среди интеллигенции.

Когда весть о том, что чиновники освобождаются от участия в отборе, разлетелась по столице, Сюй Чжиюй остался, чтобы готовиться к экзаменам. Но из-за внезапного интереса императора к мужской красоте, на экзамены съехалось небывалое количество талантов со всей страны, надеясь выделиться и привлечь внимание.

Лу Гуйюань, желая поддержать образ, не вмешивался в процесс. Но когда настал день

дворцового экзамена, и он увидел перед собой стройные ряды кандидатов, он и Система одновременно застыли в немом изумлении.

<http://bllate.org/book/21607/2228553>